

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

От греха
подальше

ЭКСМО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

От греха подальше

«Научная книга»

2000

Серова М. С.

От греха подальше / М. С. Серова — «Научная книга»,
2000 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Сережки Татьяне Ивановой определенно шли. Правда, она не понимала, почему Герман, с которым они давно разошлись, вдруг делает ей такие подарки. Озадачила и его просьба – немедленно начать поиск исчезнувшей дочери его погибшего друга. Последний раз Марину видели на эстраде ночного клуба в ее коронном номере «Поцелуй змеи». Расследование приводит Татьяну в лесной замок у озера, где девушки-пленницы, среди них и Марина, развлекают сильных мира сего. Клубок распутан, однако Татьяна тоже оказалась среди наложниц. Как теперь спастись?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Серова

От греха подальше

Глава 1

– Хорошенького понемногу, – сказала я себе, поняв, что, если сделаю еще хотя бы глоток кофе, он полетит у меня из ушей.

Я сбилась со счета, пытаюсь определить количество чашек, выпитых за сегодняшнее утро. Никак не меньше десяти, а это, согласитесь, лошадиная доза даже для частного детектива. А если добавить сюда изрядное количество выкуренных за это же время сигарет, то становится ясно, что мне совершенно необходимо немедленно взять «музыкальную паузу».

Однако у меня сегодня действительно был повод для подобных бесчеловечных экспериментов над собственным организмом. Если бы еще неделю назад мне кто-нибудь сказал, что я буду страдать от вынужденного безделья и профессиональной невостремованности, я расхохоталась бы ему прямо в лицо. Причем хохотала бы я недолго, поскольку у сыщика Татьяны Ивановой вот уже несколько лет нет ни одной лишней секунды даже для таких невинных занятий.

Долгие годы я проклинала свой «чумовой» образ жизни и мечтала хотя бы об одном «дне без выстрела». Так может мечтать абсолютно загнанная, изможденная непосильным трудом кляча... Допуская в своем воображении подобные сравнения, я тут же их корректировала: «Нет, пока еще не кляча, а, скорее, молодая и норовистая лошадка». О чем же она может мечтать?

– О молодом красавце жеребце, – шепнул мне на ухо бесстыдный внутренний голос.

– Какая гадость! Какая гадость эта ваша заливная рыба... – ответила я распоясавшемуся внутреннему голосу. – Мне и думать-то о них противно!

– С каких это пор? – удивился внутренний голос.

– С детства! – отрезала я тоном, не допускающим возражений. И при этом ничуть не покраснела.

И, чтобы прекратить этот бессмысленный внутренний диалог, я, покинув свое уютное гнездышко, поставила любимую пластинку Пола Маккартни и приступила к водным процедурам.

Почистив свои перышки, я занялась с энтузиазмом уборкой квартиры, надеясь, что столь бурная деятельность поможет зарубцеваться душевным ранам. И, нужно сказать, я почти добилась своей цели. Но в этот самый момент начала вытирать пыль с телефона и поймала себя на мысли, что занимаюсь этим делом в третий-четвертый раз в своей жизни. И не потому, что мирно сосуществую с пылью и плесенью. Вовсе нет. Я девушка аккуратная. Просто мой телефонный аппарат не успевает запылиться. Его звонкие трели радуют или огорчают меня с утра до вечера. И автоответчику моему служба медом не кажется.

Так было всегда, но только не сегодня. Передо мной стоял вовсе как бы и не мой телефон, а какой-нибудь забытой богом и родней старушки или замерзающего в красной палатке полярника, давно потерявшего связь с Большой землей. Хотя присутствие пыли за Полярным кругом вызывает у меня некоторые сомнения. Впрочем, так же, как и наличие там самого телефона с автоответчиком.

Дабы убедиться в существовании связи с Большой землей, я подняла трубку и добрые полминуты прислушивались к таинственным потрескиваниям, нарушающим заунывную монотонность гудка...

Почему же столько времени молчит мой телефон? Такого просто не может быть! Что-то произошло в этом городе. А может, и в этой благословенной державе? Новый ГКЧП на этот

раз догадался отключить телефонную связь? Чтобы не заикливаться на подобной версии, я включила телевизор. По экрану с риском для жизни металась Том и Джерри, своими воплями заглушая нежный фальцет Маккартни. Ничего общего с «Лебединым озером».

В детстве мне очень нравился диафильм «Палле один на свете». Этот самый Палле, проснувшись в одно прекрасное утро, понял, что на всей планете остался один живой человек. Он очень обрадовался и побежал осуществлять все свои заветные желания. Насколько я помню, он ужасно хотел мороженого и с восторгом играл в вагоновожатого. Эта перспектива меня нисколько не прельщала. К тому же с телевидением неувязка, телевизор-то работает! Поэтому окружающая обстановка напоминает Рэя Брэдбери «Будет ласковый дождь». В результате ядерной катастрофы все население планеты погибло, не успев выключить пылесосы, скороварки и прочую электронику...

А может, все гораздо проще? Семьдесят лет советской власти не прошли даром, и, как нас уверяли преподаватели марксизма-ленинизма, впрямь был воспитан новый невиданный дотоле Строитель Коммунизма. И как только он этот самый коммунизм строить перестал, так и проявились его превосходные качества. И исчезли в нашей стране преступность, проституция, воровство, бездорожье и разгильдяйство, а уж заодно и ревность, наркомания и даже до боли близкое любому россиянину пьянство со всеми вытекающими из него безобразиями.

Размышляя подобным образом, я в процессе доведения жилплощади до стерильного состояния добралась до своего маленького, но очень симпатичного бара, и взгляд мой остановился на непечатой бутылке настоящего «Наири». Недавно мне его привез Гарик Папазян из ближнего зарубежья...

– Что же это происходит? – остановил меня внутренний голос, на сей раз в образе взрослой, умной и волевой Татьяны Ивановой. – Сначала сомнительные мысли на лошадиную тему, теперь вот коньяк! Черт знает что!

– И на самом деле, что это я? – ответила внутреннему голосу маленькая, ленивая, пойманная на месте преступления Танечка и, потупившись, добавила: – Я больше не буду...

Закрыв бар на ключ, я прошлась по комнатам и, убедившись, что самый привередливый санинспектор остался бы мною доволен, достала волшебные косточки и приготовилась к священнодействию. Как это ни странно, я впервые за несколько дней вспомнила о них.

5+18+27 – «Вам кажется, что жизнь монотонна, лишена остроты, разнообразия и приключений. Зато она обещает вам спокойствие в будущем, когда страсти улягутся и ценности переосмыслятся».

Я давно перестала удивляться пронизательности косточек, поэтому первая часть пророчества нисколько не удивила меня. Действительно, в течение нескольких дней я ни от кого не пряталась, ни с кем не сражалась, не попадала в отчаянные положения. И нормальная человеческая жизнь представлялась мне пресной и монотонной. Не случайно я выбрала себе такую эксцентричную в глазах большинства или даже неприличную для женщины профессию. И не только не хочу другой жизни, но и не представляю себя в другой роли.

Но вот вторая часть пророчества не так буквальна и однозначна. Тут придется покумекать, пошевелить извилинами.

«Зато она обещает вам спокойствие в будущем, когда страсти улягутся и ценности переосмыслятся». Немного поразмыслив, я истолковала эти слова так: впереди меня ждут «страсти» – события из разряда немонотонных, переоценка неких ценностей, а может быть, переосмысление каких-то устоявшихся представлений о жизни, о самой себе... Поживем – увидим. Одно было ясно – спокойствия мне не видать. А то, что судьба в преддверии «страстей» подарила мне несколько дней отдыха – это замечательно. И прожить их нужно так, чтобы не было мучительно стыдно!

Такая перспектива меня вполне устраивала. Пластинка к этому времени закончилась. Я поставила ее на место, поправила прическу и произнесла зловещим шепотом: «Приветствую тебя, страсть...»

Пронзительный и будто охрипший после долгого молчания телефонный звонок вернул меня в мир реальности.

– Привет, Танюха, – негромко произнесли на том конце провода. И время остановилось. Но только на миг. Затем стремительно помчалось вспять и отбросило меня в далекую юность, почти детство, к событиям десятилетней давности.

– Привет, Танюха, – произносил этот же голос в те далекие дни, и ноги становились ватными, и комок, на секунду застрявший в горле, срывался и катился куда-то вниз, а сердце замирало.

Он был живой легендой нашего института. Герман. Так называли его все, от застенчивых первокурсниц до бородатых аспирантов... «Герман», – шептали вечерами девочки в общежитии. «Герман», – произносили самые отчаянные головорезы и крепко пожимали его твердую ладонь. У него так и не появилось клички, хотя называть друг друга по имени было тогда не принято. Я до сих пор не знаю его фамилии и не знала ее никогда. Она просто была не нужна. Было имя – Герман. Сказать, что его уважали, значит, ничего не сказать. Не просто уважали, не просто побаивались. И даже не просто восхищались. Его буквально боготворили. И это было поразительно.

Герман завораживал всех своей непохожестью, нетипичностью. Оригинальность? Пожалуй, и это определение не подходило к этому человеку.

Он никогда не появлялся на многочисленных студенческих пьянках, не курил, не заигрывал с симпатичными абитуриентками, не посещал дискотек. При его появлении даже не очень фривольный анекдот казался пошлостью. У него не было близких друзей. Впрочем, не было и врагов. Хотя, возможно, были тайные недоброжелатели, но они предпочитали оставаться тайными.

Учился он блестяще, и учеба давалась ему легко. Он был немногословен, хотя его нельзя было назвать замкнутым. Его фразы передавались из уст в уста и часто становились последним аргументом в споре. «А Герман сказал...» – и разногласия прекращались.

Однажды на стадионе возник спор о приемах самбо. Каждый отстаивал свой любимый прием и доказывал его преимущества.

– Самый действенный способ самозащиты без оружия – это вовремя убежать, – как-то сказал Герман. И никто не засмеялся. Такое мог сказать только тот, чья смелость не вызывала сомнений. А Герман был смелым. И сильным.

Одним из первых он начал заниматься восточными единоборствами. Уже потом это стало повальным увлечением, и на ближайшей к институту стройке поубавилось целых кирпичей. Так развлекались наши мальчишки.

Я не помню, чтобы Герман решал свои проблемы с помощью силы. А может быть, не находилось желающих испытать эту силу на себе?

Герман говорил, что любой предмет в умелых руках может стать оружием. И если какая-то вещь кажется тебе совершенно безобидной – значит, ты просто не знаешь, как ее можно использовать. И ему верили.

У большинства из нас еще отовсюду выпирало детство, а он в свои двадцать лет был мужчиной в самом серьезном и прекрасном смысле этого слова.

Однажды после лекций Герман подошел ко мне и предложил погулять. Я не поверила своему счастью. Глаза моментально наполнились слезами, и несколько минут я не могла повернуть к нему голову. Все вокруг окрасилось в радужные тона, однако я успела заметить десятки взглядов, направленных в нашу сторону...

Я не помню, по каким улицам мы гуляли и на каких скамейках сидели в тот вечер. Не помню, о чем он рассказывал мне. До меня просто не доходил смысл его слов, потому что в моей голове звучала древняя, как мир, женская песня, состоящая из одной повторяющейся фразы: «Ты выбрал меня!»

Мое счастье продолжалось полгода.

Оно закончилось ранним апрельским утром после короткого телефонного разговора. Даже не разговора, потому что я так ничего и не ответила ему.

– Танюха, я уезжаю. Навсегда. Прощай, – произнес бесконечно родной голос. С тех пор я этого голоса не слышала. И не видела его обладателя. Если не считать одного случая.

Три года назад я увидела Германа по телевизору. В какой-то информационной программе. Ведущий рассказывал о поездке нашей делегации на высшем уровне то ли в Америку, то ли в Швейцарию. На экране суетились корреспонденты с микрофонами и фотоаппаратами. Президент, прищурившись, делился впечатлениями от своей встречи с представителями НАТО и Белого дома. В нескольких шагах от него стоял Герман. Какие-то секунды я наблюдала, как он спокойно и сосредоточенно разглядывал что-то или кого-то за пределами телеэкрана...

– Привет, Танюха, – произнес тот же голос десять лет спустя, и я поняла, что узнала бы его из тысячи...

– Герман? Ты где?

– Я рядом. Можно зайти?

– Конечно.

Щелкнула входная дверь, и кто-то вошел в мою квартиру. Это был Герман.

Он всегда умел появляться неожиданно и так же неожиданно исчезать. И хотя я понимаю, что для людей нашей профессии не существует запертых дверей и сотовый телефон для меня не в новинку, мне понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя.

Он не оставил мне времени подготовиться к его появлению. Застал меня врасплох и использовал свое преимущество для изучения моей внешности и отыскания следов, оставленных на моем лице неумолимым временем.

Еще больше я растерялась, отметив в его глазах взгляд, какой бывает у людей, чей замысел получает блестящее воплощение.

– Ты мало изменился, – наконец сумела я произнести членораздельно.

Действительно, Герман почти не изменился и внешне. Может быть, немного поправился, что при его почти двухметровом росте было совсем не лишним. Десять лет назад его можно было сравнить с молоденьким догом, в котором только опытный кинолог может распознать красивое гармоничное существо, каким ему предстоит стать через некоторое время. Сейчас Герман находился в поре расцвета. Дорогой элегантный костюм выгодно подчеркивал достоинства его фигуры, а небольшой шрам на левой скуле только добавлял ему шарма.

– Милости просим, – сказала я, окончательно придя в себя, и широким жестом пригласила его в гостиную.

Несколько минут мы обменивались несвязными ироничными фразами в поисках той единственно верной интонации, соответствующей моменту и нашим нынешним отношениям. Это было довольно непросто, во всяком случае, для меня.

– Откуда ты свалился на мою голову? – устав от светского обмена любезностями, спросила я напрямик.

– Это далеко не такой простой вопрос, – ответил Герман совершенно серьезно. – Моя жизнь не предполагает публичности, и написать мемуары я смогу еще очень нескоро. Одно могу сказать совершенно точно: в Тарасове за все эти годы я не был ни разу.

– Герман, давай сразу договоримся – я не считаю себя несчастной брошенной девочкой. И я не поверю, что ты приехал повидаться со мной.

– Для девушки у тебя есть один, но существенный недостаток, – отпарировал Герман мгновенно. – Ты чересчур умна.

Мы одновременно рассмеялись, и напряженность между нами исчезла. Он поведал мне, что много лет не имел отпуска, и вот теперь в кои-то веки выдалась свободная неделя. Он с товарищами решил провести ее на одном из волжских островов, где, по слухам, рыба клюет на пустой крючок. Мое предложение «спрыснуть» нашу встречу он отклонил, напомнив, что никогда не употреблял спиртных напитков, не курил и нарушать своих принципов не хочет даже ради такого исключительного случая. На мое произнесенное игривым тоном, но имевшее совершенно определенную цель замечание о том, что он, наверное, ну просто идеальный муж, Герман ответил не менее озорным тоном. Он заявил, что до сих пор не связал себя супружескими путами, а если бы ему в голову пришла такая шальная идея, то он, не сомневаясь, приехал бы в Тарасов с букетом цветов и бутылкой шампанского и в добрых гусарских традициях предложил бы руку и сердце самой умной и красивой женщине на этой планете, которую, разумеется, зовут Татьяной Ивановой.

Мы окончательно развеселились, разговор сам собой перешел на меня, на мою работу, я рассказала несколько случаев из своей детективной практики, вызвав неподдельное восхищение Германа.

– Это потрясающе! Я всегда был о тебе высокого мнения, но ты превзошла все мои представления! А чем ты занимаешься сейчас?

– А именно сейчас я ничем не занимаюсь, – честно призналась я. – Бью баклуши с твоей помощью.

– Так ты свободна?

– Как муха в полете!

– Кроме шуток. У меня есть к тебе серьезное предложение. Ты не знала Славу Угольниковца?

– Он с нами учился?

– Нет. Он значительно старше нас. Вячеслав Сергеевич Угольников. Капитан милиции. Его убили лет шесть назад. Хороший был мужик.

– А! По-моему, вспоминаю...

– Но не об этом речь. У него остались жена и дочь Марина. Красивая девушка, умница, училась на театральном факультете... почему-то ушла со второго курса... Потом то ли пела, то ли танцевала в каком-то кабаке... Мама, по-моему, сильно зашибает... Короче, девушка пропала. Ушла из дома месяц назад, и с тех пор ее никто не видел.

– Ты думаешь, ее тоже убили? Это как-то связано с ее отцом?

– Не знаю, Танюха. Может быть, и так. А может, живет сейчас наша Марина с каким-нибудь парнем и в ус себе не дует. В том-то и дело, что никто ничего не знает.

Герман поднялся, отошел к окну и стал глядеть на улицу. Оттуда доносились веселые голоса, смех, в кафе напротив играла музыка.

– Если бы Слава был жив, – не оборачиваясь, продолжил Герман, – все было бы в порядке, он занялся бы этим делом. Он очень любил свою Марину. А меня считал своим другом.

– Ты хочешь, чтобы я ее искала? Герман, девочка, конечно, не иголка, но ведь и Тарасов – не стог сена. А если она укатила, например, в Питер или, не дай бог, в какой-нибудь Урюпинск?

– Иванова, я понимаю, что это работа. И, может быть, не самая простая. Но ведь это дочь моего покойного друга. И если не я и не ты, то кто?.. Найди девочку, Таня.

Достав из внутреннего кармана пиджака две аккуратные пачки долларов, Герман положил их передо мной:

– Здесь тысяча баксов. Это аванс. Плюс возмещение всех необходимых расходов. По рукам?

Мне ничего не оставалось делать, как согласиться.

– Ноу проблемс, – сказала я голосом Бельмондо, озвученным Александром Демьяненко. Во всяком случае, я к этому стремилась. – А теперь по чашечке кофе?

– В следующий раз, – отказался Герман, вырывая из блокнота листок с несколькими строчками, написанными его красивым разборчивым почерком. – Это адрес Угольниковых. Сегодня вторник... В конце недели я обязательно появлюсь. А пока... я должен откланяться.

Герман улыбнулся и направился к выходу. Я проводила его до порога. Уже взявшись за дверную ручку, он обернулся, посмотрел мне в глаза и, как мне показалось, на что-то не решился. Сказать ли что-то хотел или сделать...

– Что-нибудь забыл? – улыбнулась я.

Он выглядел смущенным и немного растерянным.

– Может быть, тебе это покажется странным или даже глупым... Но мне хотелось бы сделать тебе маленький подарок. – Он быстрым движением достал из кармана маленькую коробочку и протянул ее мне.

В коробочке находились очаровательные золотые сережки явно старинной работы с зеленноватыми, мерцавшими в полумраке коридора камешками.

– Ты не возражаешь, если я сам надену их тебе? – не дав мне опомниться, попросил Герман.

– Попробуй...

Через несколько секунд сережки сверкали уже у меня в ушах. Я повернулась к зеркалу и убедилась, что обновка явно к лицу.

– Очень подходят к цвету моих глаз, – пошутила я, глядя прямо в глаза отражению Германа, наблюдавшего за моей реакцией.

– Я знаю, – удовлетворенно прошептал он. – Не снимай их, пожалуйста, хотя бы до моего отъезда. Хорошо?

– Обещаю, – ответила я и нежно чмокнула его в губы. – Спасибо.

Герман еще раз пожелал мне успеха, через несколько секунд его шаги затихли за дверью моей квартиры.

* * *

Я не собиралась в тот же день приступить к делу. Если утром я жаловалась на судьбу и не находила себе места от безделья, то теперь, когда работа появилась, у меня тут же обнаружились другие желания. Мне захотелось поваляться перед телевизором, полистать какую-нибудь толстую книжку, зачитанную до дыр, пригласить в гости болтливую подружку и посплетничать от души весь вечер напролет.

Но запах дорогого одеколona Германа еще не выветрился из моей квартиры. Я уже несколько раз прокрутила в голове и прокомментировала весь наш сегодняшний разговор. Память услужливо извлекла из тайников моей души отчетливые картинки десятилетней давности. Поблескивание зеленноватых камешков в новых сережках возбуждало мою фантазию, и, чтобы избавиться от этого наваждения, я, легко перекусив, отправилась навстречу новым людям и приключениям.

Тем более что за окном ярко светило солнце, лето окончательно вступило в свои права, а небольшой дождик, прошедший после обеда, лишь освежил уличный воздух и умыл тротуары.

Скромное, но довольно дорогое светло-зеленое платье чудесно сочеталось с новыми сережками. Квартира Угольниковых находилась недалеко от моего дома, и я отправилась туда пешком.

По пути я не теряла времени даром и отыскивала в толпе сверстниц Марины Угольниковой. Вглядываясь в молодые, но изрядно накрашенные мордашки, я пыталась определить навскидку сферу интересов и устремлений «племени молодого и незнакомого».

Рассчитав, что Марине сейчас должно быть не меньше девятнадцати лет, я без труда определила год рождения интересующего меня контингента. Это был 1980 год, год Московской Олимпиады. Мне даже удалось составить коллективный портрет этого поколения. Судьбоносный для нашей страны 1991 год пришелся на пору их розового детства, лишённого радостей пионерских линеек и сборов. Комсомол благополучно скончался прежде, чем они доросли до комсомольского возраста. Следовательно, их воспитание было лишено каких бы то ни было общественно-политических ориентиров. Отсюда я сделала вывод, что между этим поколением и мной пролегла бездонная пропасть.

Всех девочек я условно поделила на три основные категории: красивых, умных и некрасивых. Умных я выделила в особую категорию, потому что внешность в данном случае не имеет в их жизни определяющего значения. Умная девочка привлекает к себе не смазливим личиком, а своей индивидуальностью, вкусом, интеллектом и т. д. Конечно, случаются в жизни и такие казусы, когда одно и то же юное создание сочетает в себе и ум, и красоту. Но это скорее отклонение от нормы, и представительница данной аномалии прямо-таки создана для частного сыска.

Что же касается основных категорий, то я определила их жизненные устремления следующим образом. Некрасивые хотят замуж. Красивые стремятся к богатству. А умные в своих мечтах совмещают и то и другое.

Время от времени мне попадались девочки, чьи желания не соответствовали ни одному из вышеназванных. Для них я вынуждена была придумать особую, четвертую категорию, и назвать ее «несчастные». К этой категории я относил тех девиц, главным желанием и занятием в жизни которых является секс или выпивка.

На этом я вынуждена была прекратить свои социологические изыскания, так как достигла конечной цели своего недолгого путешествия.

Я находилась в районе «частного сектора», который занимает в Тарасове значительную часть центра города. Еще несколько лет назад это место называли одним зловещим словом «овраг». Но с тех пор как большая часть оврага была засыпана и даже протекавшая по его дну речка-вонючка была заключена в железобетонные трубы, название понемногу стало выходить из обихода.

Район этот, видимо, до сих пор не считается престижным, поскольку здесь я обнаружила всего один двухэтажный особняк, да и тот скромный, без архитектурных излишеств. В основном же вдоль всей улицы стояли старые, некрашенные домики, находящиеся на той или иной стадии разрушения. Дом, указанный Германом, даже на их фоне производил убогое впечатление. Это сооружение еще нельзя было назвать развалинами, но аварийное состояние здания грозило перерасти в катастрофическое. Забор, во всяком случае, не просто покосился, но упал и частично уже был разобран. Видимо, на дрова.

Я в своих светозащитных очках-хамелеонах и новом, из фирменного магазина платье плохо сочеталась с подобной обстановкой. Благо разумно спрятав очки в сумочку, я решительно нажала кнопку звонка. Понапрасну прождав пару минут, я наконец догадалась, что звонок скорее всего не работает.

– Если ты к Ларисе, то стучи в окно, – услышала я за своей спиной. Голос принадлежал мужчине в голубой майке с прилипшей к губе папиросой. Привалившись спиной к углу дома, он с любопытством разглядывал меня, вероятно, с момента моего появления.

Я воспользовалась его советом. Не сразу, но в доме что-то зашевелилось. Хлопнула дверь, что-то упало, звук шагов замер у самой двери.

– Кто там? – произнес женский голос.

Я оглянулась. Мужик в майке прикуривал следующую папиросу.

– Кто там? – повторил голос за дверью.

– Лариса Павловна, откройте, – официальным тоном потребовала я. К моему удивлению, дверь тотчас отворилась. Меня пригласила в дом женщина, по моим подсчетам, лет сорока, но выглядевшая на все пятьдесят с хвостиком. Вернувшись в комнату, она тут же устроилась на кровати, застеленной синим армейским одеялом. Я присела на табурет у круглого, стоявшего посреди комнаты стола и огляделась.

Вопреки моим ожиданиям, в доме было довольно чисто. Из мебели, кроме стола и кровати, в комнате находился большой желтый шифоньер с зеркалом и пара стульев. На стене висела цветная фотография молодых Угольниковых, на которой Лариса Павловна была совсем молоденькой симпатичной брюнеткой, а на плечах Вячеслава были сержантские погоны. Правый нижний угол фотографии пересекала полоска черного траурного крепа.

Мне стало не по себе.

– Лариса Павловна, я к вам насчет Марины, – попыталась я начать непростой разговор.

– Вы из милиции? – даже не спросила, а, скорее, констатировала она. Мне оставалось только подтвердить ее догадку.

Лариса Павловна с неподвижным, застывшим раз и навсегда лицом и взглядом, устремленным в бесконечность, несколько раз утвердительно кивнула головой, потом с тем же выражением на лице стала раскачиваться вперед-назад, стараясь привести в порядок свои мысли и уже не в силах отогнать самые страшные опасения. Наконец ее прорвало.

– Я так и знала! – запричитала она, и ее неподвижное лицо исказилось гримасой отчаяния. – Я так и знала! Господи! Слава! Какое счастье, что ты не дожил до этого! Я так и знала, что закончится милицией! Да что же это такое! Дрянь! Славочка! Милый мой! Лучше бы я умерла вместо тебя! Засранка така-а-я!

– Лариса Павловна! Успокойтесь! – попыталась я прекратить ее рыдания, но сделать это было не так-то просто. Женщина не слышала меня.

Прошло не менее пяти минут, прежде чем она начала успокаиваться. Причитания становились все глуше и наконец перешли в шепот. Рукавом халата она вытерла слезы и глубоко, судорожно вздохнула.

Лариса Павловна была уверена, что ее Марина совершила что-то противозаконное. Я не стала ее разуверять. Тем более что это вполне могло оказаться правдой.

– Лариса Павловна, когда вы в последний раз видели Марину? – взяв на себя роль сотрудника милиции, начала я протокольный допрос.

– Да уж, наверное, с месяц. Да, месяц назад.

Блокнот в моих руках придавал нашему разговору совершенно официальный характер. Мне это было на руку. Вдова милиционера, видимо, навсегда сохранила уважение к органам правопорядка. И отвечать старалась точно и по существу.

– Что произошло в этот день?

– Да ничего. Ничего особенного. В последнее время мы не ладили. Ну и поругались. Да мы все время ругались. – Она снова всхлипнула. – Да как же не ругаться-то? В школе ведь какая девочка была, а как поступила в этот проклятый институт, как подменили ее. Уходит утром, приходит ночью. Табачищем от нее, как от мужика. А иной раз и выпивши. А уж когда ее из института выгнали, я же не знала про это... Ну и вовсе началось...

«Допрос» с переменным успехом продолжался около полутора часов. За это время я побывала в комнате Марины. Это была довольно типичная «светелка» красной девицы нашего времени с неизменными плакатами на стенах, магнитофоном и табличкой над кроватью с надписью: «Не влезай – убьет!» Позаимствовав с разрешения матери несколько Марининых фото из потертого семейного альбома, я поспешила к выходной двери.

– Лариса Павловна, ваша дочь пока ни в чем не обвиняется. Она проходит свидетелем по делу. Но у нас есть серьезные основания предполагать, что она попала в неприятную историю, – как могла, успокоила я несчастную женщину при расставании.

Через полчаса я была уже дома.

* * *

Наступил вечер. Пора было подводить итоги трудового дня и, по возможности, составить программу на день завтрашний.

На столе передо мной лежали три любительские фотокарточки, на каждой из которых в том или ином виде присутствовала Марина Угольникова, месяц назад после скандала с матерью ушедшая из дома в неизвестном направлении.

С первой фотографии на меня с улыбкой смотрела девочка в белом платьице с огромным букетом сирени в руках. Миленькая, счастливая и ничем не отличавшаяся от двух своих подружек в таких же белых платьях и с такими же букетами. Фотография двухлетней давности. Сама не понимаю, зачем я ее взяла.

На обороте второй фотографии стояла дата – июнь прошлого года. На ней Марина была с короткой прической в компании однокурсников. Снимались, видимо, после экзамена по актерскому мастерству или сценическому движению. Мальчики в лосинах и девочки в черных купальниках демонстрировали некую замысловатую мизансцену. На лицах, блестящих от пота, еще были заметны следы сценического возбуждения. На Маринином плече лежала рука тонконового женоподобного мальчика с мерзкими редкими усиками. Марина наверняка пользовалась успехом у однокурсников. Ее нельзя было назвать красавицей (тут Герман явно переборщил), но, как говорится, она была чертовски мила. Кроме того, со своей тонкой талией и довольно развитой девичьей грудью она вполне соответствовала мировому стандарту.

Последний снимок был сделан в этом году. И он представлял для меня наибольший интерес. Эту фотографию незаметно для матери я взяла с Марининого стола. Она выпала из томика Стивена Кинга, выбранного мною наугад.

Фотограф запечатлел девушку крупным планом во время сольного танца явно эротического характера. Волосы, собранные в тугой узел на затылке, и сильный сценический макияж делали ее значительно старше своих лет. Черные трусики-бикини представляли единственный компонент ее костюма, если не считать абсолютно прозрачной туники, которую я не сразу и заметила. Слов нет, Марина была эффектной девушкой! Впрочем, почему же была? Надеюсь, что я смогу в этом убедиться при встрече с ней еще на этом свете.

Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Жила-была девочка Марина. С папой и мамой. Папа у нее работал в ментуре, мама перебирала какие-то бумажки в непонятной конторе. Марина училась в школе, танцевала в художественной самодеятельности и любила маму и папу. Папу, едва девочке исполнилось тринадцать лет, убивают бандиты. Девочка тяжело переживает, мама начинает попивать и теряет работу. Они все же не бедствуют, так как хотя и не регулярно, но мама все-таки получает пенсию за погибшего при исполнении мужа.

Девочка мечтает о сцене и поступает с первого раза в театральный институт. Казалось бы, живи да радуйся. Но маме, далекой от богемной среды, не по душе занятие и образ жизни дочери. Мама все больше пьет, дочь все дальше и дальше отдаляется от нее. Начинаются первые скандалы.

У Марины появляются финансовые проблемы. Стипендии с трудом хватает на сигареты. А девочке так хочется одеваться не хуже состоятельных однокурсниц. И, судя по всему, Марина начинает подрабатывать. Где и в каком качестве – мне предстояло выяснить в дальнейшем. Эта работа была связана с танцами. Об этом говорил Герман и красноречиво свидетельствовала последняя фотография, лежавшая сейчас на моем столе. Девочка бросает институт... Или ее отчисляют, это мне тоже предстояло выяснить. И через месяц она пропадает без вести, во всяком случае, для матери. Но и Герман настроен серьезно, иначе он не воспользовался бы моими услугами. Чего-то он мне не договаривает.

Информации для размышления мне явно не доставало. Поэтому первым делом я решила посетить «обитель муз».

...Теплый душ, как всегда, добавил мне положительных эмоций. Выпрыгнув из ванной, я не забыла в последний раз полюбоваться в зеркале на свои новые серьги и при этом лишний раз убедилась в том, что маленькие драгоценные штучки обнаженному женскому телу придают особую изысканность и очарование.

Забравшись в постель, я еще с полчаса пощелкала пультом управления в поисках «колыбельной» телевизионной передачи. Но все фильмы уже заканчивались, футбол меня не интересовал. Поэтому на сон грядущий мне пришлось довольствоваться выпуском новостей. Косноязычные корреспонденты с упоением рассказывали о драке в парламенте, хроника землетрясения убеждала в бездарности создателей фильмов ужасов. Очередной террористический акт переполнил чашу моего терпения. Пожелав всему человечеству спокойной ночи, я заснула крепким сном молодой здоровой женщины.

Глава 2

Театральный институт в Тарасове располагался на Рабочей улице, до революции имевшей отвратительную репутацию. По некоторым сведениям, она считалась «улицей красных фонарей». Теперь это вполне уважаемая городская улица, на которой стоят здания банков, находятся институты, магазины и даже небольшая частная картинная галерея.

Беспрепятственно миновав увлеченную телефонным разговором вахтершу, я поднялась на второй этаж, где, поплутав по мрачному, плохо освещенному коридору, заставленному ширмами, бутафорскими деревьями и кусками декораций, набрела в конце концов на желтую облупленную дверь с табличкой «Деканат».

В комнате было жарко и накурено. Стареющая крашеная блондинка с сигаретой в зубах охотно отвечала на все мои вопросы. От нее я узнала, что Марина Угольникова училась на втором курсе у профессора Макаровой, но в середине зимней сессии неожиданно перестала посещать занятия и была отчислена из института.

– Хороша была девка, – предлагая мне сигарету, сообщила разговорчивая блондинка, – мне она больше всех на курсе нравилась. Красивая, талантливая! У нас таких больше нет.

– А что же там произошло?

– Да, видно, чем-то Макаровой не угодила. Совсем охренела старуха.

Тут я вспомнила, что знаю эту самую Макарову. Еще лет десять назад она была ведущей актрисой областного театра. Красивая, обаятельная, она мне очень нравилась в юности. Я никак не могла представить ее старухой.

– Потом она за ней ребят с курса посылала, – продолжала словоохотливая блондинка, – предлагала вернуться. Но Маринка отказалась. И правильно сделала.

– Куда посылала? Домой?

– И домой, и в «Словакию». Одумалась!

Судьба преподнесла мне в подарок незаменимого человека. Всезнающего и максимально коммуникабельного.

– А вам зачем Угольникова? – неожиданно насторожилась моя собеседница. – Вы откуда?

– Наша компания реализует сейчас новый рекламный проект, – затараторила я, растянув губы в голливудской улыбке. – И Марина согласилась стать лицом нашей фирмы. Рекламные ролики, презентации... Она дала предварительное согласие, а теперь нужно подписать контракт.

– Так вы ее в «Словакии» ищите, она там каждый вечер танцует.

– Ну разумеется!

Я совершенно искренне поблагодарила женщину и собралась оставить ее в одиночестве, но в этот момент меня осенило:

– Кстати! У нее на курсе была подруга. Они все время вместе ходили... – наморщив лоб, я защелкала пальцами, – такая интересная девочка... Как же ее?

– Светка, что ли? Корчагина? – с большим сомнением спросила очаровательная в своей наивности блондинка. Я готова была расцеловать ее.

– Ну конечно! Светлана Корчагина!

– Ну не знаю... Девка она тоже неплохая, но Марине в подметки не годится.

– Какие могут быть сравнения! – моментально согласилась я. – Но вдвоем они могут представлять собой хорошее сочетание... Как бы дополняя друг друга! Как мне ее найти?

– Да здесь она. – Снисходительно улыбаясь, моя собеседница подошла к расписанию на стене. – В двенадцатой аудитории у них «История театра»... А потом окно до двух часов.

Через пятнадцать минут рядом со мной стояла лучшая подруга Марины Угольниковой.

Она действительно не годилась Марине в подметки с точки зрения рекламного бизнеса, но, с моей точки зрения, была действительно интересной девочкой. Хрупкая, с почти мальчишеской фигуркой и светлыми кудряшками на миниатюрной головке, она чем-то напоминала мне котенка. А пухлые мягкие губы придавали ее лицу выражение незащитности. Ее хотелось усадить в глубокое мягкое кресло, укрыть теплым пледом и накормить.

– У меня есть идея, – сказала я ей после небольшого вступления. – Пойдем куда-нибудь перекусим и заодно поговорим.

Мое предложение пришлось ей по вкусу.

Через несколько минут мы уже сидели в одном из уютных подвальчиков, где, кроме одуревшего от безделья сонного бармена, никто не мог помешать нашей беседе.

– Что тебе заказать? – спросила я Свету, внимательно изучавшую меню.

– Мне все равно, – быстро ответила она, глотая слюну.

Я попросила подошедшего официанта принести нам что-нибудь сытное и вкусное на его усмотрение.

Светиному аппетиту можно было позавидовать, впрочем, на свой я тоже не жалею. Поэтому я начала разговор только после того, как мы, изрядно подкрепившись, заказали кофе по-турецки.

Еще в институте я назвала Светлане свою настоящую профессию, поэтому без предисловий начала разговор по существу:

– Когда ты последний раз встречалась с Мариной Угольниковой?

– Давно.

– Если можно, точнее.

– Весной. В середине апреля. Я встретила ее на улице.

– Мне сказали, что в институте ты была ее лучшей подругой.

– Да, но у меня совершенно нет времени. Мы же с утра до ночи в институте, как в монастыре. Лекции, репетиции, самостоятельные отрывки... А еще у меня мать болеет, и живу я у черта на рогах!

– Ну хорошо, а почему Марина ушла из института?

– Я же говорю, что мы заняты с утра до вечера. Перед экзаменом даже ночуем в аудитории. За день выматываешься... А если еще голодная... Домой съездить некогда, а в кафе цены, – она кивнула в сторону меню, – сами знаете. На стипендию не проживешь. Другие студенты торгуют, в разных фирмах подрабатывают. А нам когда? У кого богатые родители – тем проще. Можно сигарету? – попросила она, увидев в моих руках пачку «Ротманса».

Курила она с тем же удовольствием, что и ела. Я положила пачку на стол.

– Ну вот. Педагог по танцу предложила нам работу. По вечерам. Танцевальное шоу в казино. Тридцатник за вечер. Два раза в неделю. Не бог ведь какие деньги, но, в принципе, нам хватало. И Макарова не возражала, если это не мешало занятиям.

Света с сожалением посмотрела на свою опустевшую чашку. Я заказала еще два кофе.

– Ну а потом? – осторожно спросила я.

– Потом? – неожиданно рассмеялась Светлана. – Потом казино закрыли.

С вызовом глядя мне прямо в глаза, она продолжила:

– Но ведь всегда есть возможность заработать. При желании.

– Ты имеешь в виду...

– Да. Именно это я имею в виду. А что бы вы делали на нашем месте?

– Не знаю.

– Но Марина занималась этим недолго. Ей повезло. Когда она стала выступать в «Словакии», деньги у нее появились. Вот только спать было некогда. Там же ежедневная работа. И начинается она в полночь.

Взгляд у Светланы стал колючим, в этой девушке ничего не осталось от моего прежнего впечатления, от котенка, и я поняла, что ей, в отличие от Марины, не повезло.

– В перерыве между занятиями Марина спала в раздевалке на диване. Если он был свободен. А сразу после перерыва – занятия по мастерству, с Макаровой. Ну и началось... Марина, соберись! Что ты ползаешь по сцене, как сонная курица! Если нет здоровья – уходите! И Марина ушла.

Света посмотрела на часы. Ей пора было возвращаться в «монастырь». Я вызвалась немного проводить ее. Расплатившись, мы вышли на улицу. По пути я узнала от Светы, что в пору обучения круг знакомых у Марины ограничивался институтом. Личная жизнь практически отсутствовала, если не считать одного-двух коротких романов на первом курсе с однокашниками, которых Светлана иначе как «наши педики» не называла.

Указала она мне и то место на Астраханской, где им с подругой пришлось выступать в роли «ночных бабочек».

На всякий случай я попросила Светлану записать мой телефон и отпустила, что называется, с богом.

Мы расстались в двух шагах от моего дома. И я с удовольствием сделала эти шаги. Тем более что у меня возникло сильное желание посоветоваться со своими магическими косточками. Маринина жизнь уже не являлась для меня тайной за семью печатями. Но надо было признать, что я ни на шаг не приблизилась к решению главного вопроса: «Куда же она делась?»

Первым делом я позвонила самому лучшему «менту» города Тарасова, по совместительству исполнявшему обязанности моего друга и мужа моей замечательной подруги, Андрею Мельникову.

Я застала его на рабочем месте.

– Все бездельничаешь? – задала я ему вопрос на засыпку.

– Что еще остается делать милиции в таком тихом и спокойном городе? – получила я в ответ. – Всю работу за нас переделали частные детективы.

– Андрюша, если тебе сейчас некогда – ты скажи. Могу перезвонить. Через пару минут. Я с удовольствием злоупотребляла его хорошим ко мне отношением.

– Ну ладно, не тяни резину. Чего тебе надобно, золотая рыбка?

– Мне надобно знать, не пропадали ли девицы красоты невиданной в нашем богом забытом граде Тарасове в лето господнее девяносто девятое. Повторяю для милиционеров: нет ли у вас заявлений на розыск молодых красивых девушек. Меня интересуют девушки от... пятнадцати до... двадцати четырех.

– Иванова, ты чего-то скромничаешь сегодня. Давай уж, как обычно, от десяти до шестидесяти и по всей России.

– Андрюш, ну мне очень надо, – захныкала я.

– Ладно. Надеюсь, не срочно?

– Что ты! До вечера выяснишь – и то спасибо скажу.

– Не обещаю, но попробую. Жене чего передать?

– Передай, что муж у нее – золотой человек!.. Ничего не ответил золотой человек, только трубочку взял и повесил, – объяснила я телефонному аппарату.

Я представила себе доброго славного Мельникова, по горло заваленного служебными обязанностями. Отрывая драгоценные мгновения от жены и детей, он совершенно бескорыстно выполняет все мои поручения. Осознав свою беспардонность и его дружескую безотказность, я дала себе страшную клятву при первом удобном случае пригласить его в гости, весь вечер бегать за пивом и собственными руками чистить воблу, подкладывая ему в тарелку самые аппетитные кусочки.

Таким образом успокоив совесть, я достала свои любимые гадальные кости. Как справедливо считают мудрые прорицатели, они всегда «помогут не только сделать прогноз на будущее, но и увидеть правильность ваших действий как в прошлом, так и в настоящем».

Я метнула кости на стол. Сочетание 27+6+23 вызвало у меня легкое недоумение. «Если вы хотите понять смысл вашей работы, вникайте в суть развлечений». Что бы это могло означать? Я прислушалась к своему внутреннему голосу.

Хочу ли я понять смысл своей работы? До сегодняшнего дня мне казалось, что я его понимаю. Моя работа – раскрывать преступления. Проще говоря, ловить преступников. «Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет», как пелось в крутом боевике времен моего детства, то «вор должен сидеть в тюрьме», так говорилось в не менее крутом боевике моей юности.

С другой стороны, какой же из Марины преступник? Скорее, она жертва преступления. Хотя из чего это ясно? На сегодняшний день мне известны несколько фактов ее биографии полугодовой давности. А о сегодняшней ее жизни не известно ничего. «Нет жертвы – нет и преступления» – учили меня в институте. И действительно, вполне может оказаться, что Марина, поссорившись с матерью, уехала в какой-нибудь Зачухонск и живет себе там припеваючи.

Почему же я взялась за это дело? Во-первых, потому что за это мне заплатили. А во-вторых, потому что... Герман считает Марину потенциальной жертвой преступления. Ну, слава богу, с первой частью «пророчества» я, кажется, разобралась. Хотя вторая его часть утверждает, что разобраться в смысле своей работы я смогу не раньше, чем «вникну в суть развлечений».

– Вот и вникай, – съехидничал внутренний голос.

И вдруг я неожиданно сообразила, что Маринына работа непосредственно связана с развлечениями. Ночное заведение с танцующими девочками – чем не «фабрика грез»? Ну конечно! Косточки мягко намекали, что мне давно пора было навеститься в это самое заведение.

Через знакомого администратора театра я узнала, что руководит эротическим шоу в «Словакии» бывший солист театра оперы и балета Александр Киреев.

Наудачу я тут же позвонила в «Словакию», и вежливый мужской голос с приятным восточным акцентом сообщил мне, что господин Киреев в данный момент репетирует с девочками и подойти к телефону не может. Но если я потороплюсь, то сумею застать его на месте.

И я поторопилась.

* * *

Александр вышел ко мне летящей походкой семнадцатилетнего юноши, с высоко поднятой головой и прямой спиной профессионального танцовщика. Может быть, поэтому он выглядел моложе своих лет. Только оказавшись от него на расстоянии вытянутой руки, я заметила мелкую сетку морщин в уголках глаз и легкую припухлость лица, свидетельствующую о постоянном «нарушении спортивного режима», как некогда писала газета «Советский спорт».

При виде меня он обнаружил искреннюю радость, я бы даже сказала откровенное восхищение, так что слухи о повальной «голубой» ориентации балетных мужчин показались мне сильно преувеличенными.

– Вы ко мне? – спросил он с улыбкой.

– К вам, – ответила я и тоже улыбнулась.

Легким поворотом головы он предложил мне продолжить.

– Я хотела бы работать в вашем шоу. Если это возможно.

– Вы балерина? – окинув меня с ног до головы быстрым оценивающим взглядом, спросил он.

– Нет, но я танцевала в самодеятельности, – пояснила я.

В его взгляде я прочла полное безразличие к моей профессиональной подготовке, но на всякий случай добавила:

– И несколько лет занималась художественной гимнастикой.

И почти не соврала, если карате считать видом художественной гимнастики.

– На шпагат садитесь? – равнодушно спросил он.

– На раз! – бесстрашно ответила я, так как это было уже абсолютной правдой.

– К сожалению, я уже отпустил концертмейстера...

– Что вы! – замахала я руками. – Сегодня я еще не готова! Мне хотелось просто узнать ваши требования. Познакомиться...

– Знаете что? – вдруг воодушевившись, перебил он меня. – Как вас зовут?

– Татьяна.

– Александр. Можно на «ты»? Мне так легче.

– Конечно.

– Танечка, у меня сегодня свободный день... Может, выпьем чего-нибудь?

– С удовольствием! – тут же согласилась я.

Кафе, в которое мы немедленно отправились, находилось на набережной, в двух шагах от «Словакии».

Александр, как я и думала, оказался галантным и щедрым кавалером. Он сразу заказал коньяк и шампанское, причем и то и другое вполне сносного качества. А еще шоколад, апельсиновый сок и жареные орешки. Все это, конечно, не могло оскорбить даже самого изысканного вкуса.

Александр был оживлен и не замолкал ни на секунду. Мне же оставалось только деликатно направлять течение нашей беседы в нужное мне русло.

Уже после второй рюмки лицо его покраснело, черты расправились, и легкая испарина выступила на лбу. «А ведь ты, дружок, с похмелья», – подумала я, что и подтвердил сам Александр, откровенно признавшись в этом две секунды спустя.

– Наше шоу – лучшее в Тарасове, – с неподдельным энтузиазмом рассказывал он. – До моего прихода это была откровенная порнуха с «розовым» оттенком. Но сейчас такое уже никому не нужно. А наш стриптиз! Иностранцы говорят, что подобного нет даже в Париже! У меня ведь работают мастера спорта по спортивной гимнастике! Как обычно работают с шестом стриптизерши? Ползают вокруг него... Как змеи! – Его самого рассмешило собственное сравнение. – А у нас они такое выделывают! Олимпийские игры!

Живописуя в подробностях искусство своих девочек, он не забывал подливать мне шампанское. Себя, естественно, тоже не забывал.

– Порнуха никому не нужна! Люди хотят красивой эротики! И они ее получают у меня. К нам сейчас приходят с детьми, потому что гадостей у нас не бывает.

Я не пропускала ни одного его слова, с прилежанием первого ученика стараясь «вникать в суть развлечений».

– И никакого интима! У нас с этим строго. Это другая профессия. Где-то на стороне – это личное дело каждого, но в баре – никогда! На следующий день рассчитают! Одним словом, все очень солидно.

Поинтересовавшись оплатой труда, я узнала, что девочки зарабатывали по сто рублей за вечер, что для Тарасова совсем не плохо. А если танцевальный номер нравился публике и кто-то желал его повторения – это не возбранялось. И дополнительная оплата полностью шла девочкам в карман. И тут уже все зависело от щедрости клиента.

Александр захмелел довольно быстро, но, достигнув определенной стадии опьянения, вроде как законсервировался и, казалось, мог пребывать в таком состоянии до бесконечности, независимо от количества дополнительной выпивки.

Я поняла, что самое время перевести разговор на Марину. Однако надо было придумать, как это сделать потоньше, но Александр опередил мои намерения:

– К сожалению, ты не увидишь Маринку. Какая была девка! Это потрясающе! У нее был сольный танец – «Поцелуй змеи». Его заказывали каждый вечер! Это был наш лучший номер! Я бы с удовольствием его восстановил – не с кем. То есть формально его станцует любая. Там, в принципе, ничего сложного нет. Но как это делала Маринка – это фантастика! Работать с ней было – ты не представляешь! Покажешь ей какую-нибудь фигню – она это сделает так, что плакать хочется. Честное слово!

И на его глазах действительно выступили слезы.

Я поняла, что Александр был влюблен в нее, причем не только и даже не столько как в женщину, а как в талантливую танцовщицу. Как может художник влюбиться в созданное им произведение искусства. И мог говорить о ней без конца.

Обернувшись к стойке бара, на которой стоял видеомагнитофон, он вдруг поднялся из-за стола.

– Ты можешь подождать меня пять минут? Ты сейчас увидишь!

И Александр твердой походкой направился к входной двери и вышел на улицу.

Я оказалась в странном положении. Не зная, чего ожидать от своего нового знакомого, я воспользовалась вынужденной паузой и постаралась привести в порядок собственные мысли.

Итак, Марина, если верить Александру, а не верить ему у меня не было оснований, была действительно неординарным человеком. За два дня от самых разных людей я услышала так много комплиментов в ее адрес, что одаренность этого человека не вызвала у меня сомнений.

Незаметно для окружающих я достала Маринину фотографию и иными глазами посмотрела на ее изображение. Теперь я видела на этом снимке не просто смазливую девчонку... В ее лице я увидела нечто, заставляющее всех вокруг, независимо от пола и возраста, проникаться к ней любовью. Эта девушка обладала таким удивительным даром...

В это время Александр вернулся в кафе. Я быстро спрятала фотографию и сделала вид, что разыскиваю что-то в своей сумочке.

– Сейчас я покажу тебе запись, и ты все поймешь!

Александр отошел к бару, и только теперь я заметила, что он вернулся с видеокассетой в руках. Видимо, он успел сходить за ней в «Словакию».

Бармен по его просьбе вставил кассету в магнитофон.

С пультом в одной руке и новой бутылкой коньяку в другой Александр вернулся к нашему столику.

Пока кассета перематывалась на начало, он разлил по рюмкам коньяк, после чего серьезно посмотрел на меня.

– Это Марина, – сказал он так многозначительно, что стало ясно: или я должна разделить его восхищение, или мы расстанемся врагами. После чего нажал на кнопку воспроизведения.

Съемка была явно любительской: камера прыгала в руках оператора. Очевидно, снимал сам Александр. Три раза подряд, с короткими паузами, был исполнен один и тот же танец, видимо, тот самый «Поцелуй змеи». И в нем, несмотря на несовершенство записи, я увидела то, что приводило в восторг постановщика и зрителей.

Это был, безусловно, эротический, в высоком смысле этого слова, танец. В его рисунке не было ничего неприличного, постыдного, несмотря на то что исполнительница в процессе танца совершенно избавлялась от своих одежд, как змея освобождается от старой кожи. Не знаю, что чувствует при этом змея, но Марина, если уж прибегать к подобному сравнению, пройдя через фазу старения и смерти, возрождалась к новой жизни и новой любви. Это было похоже на чудо. Ее тело, от затылка до кончиков пальцев ног, излучало такой чувственный восторг, что зал буквально взрывался в финале танца.

После третьего повтора я повернулась к Александру, чтобы поделиться своими ощущениями, но он остановил меня:

– Смотри, сейчас будет самое интересное.

Я повернулась к экрану.

На сцену опять вышла Марина. Вновь зазвучала музыка, но на этот раз девушка протестующим жестом остановила ее.

– Заказали в четвертый раз! – со счастливой улыбкой прошептал Александр мне на ухо.

После довольно продолжительной паузы Марина окинула взглядом зал, и в полной тишине прозвучали ее тихие, но очень убедительные слова: «Если еще кто-нибудь закажет сегодня этот танец – я его убью!»

Зал одобрительно зашумел, кто-то громко расхохотался, а какой-то высокий брюнет в элегантном белом костюме подошел к Марине, со смехом вручил ей белый конверт и поцеловал в губы.

– Он подарил ей тысячу рублей, – объяснил Александр и, выключив видеомagniтофон, залпом выпил полную рюмку коньяку.

А потом мы еще долго пили коньяк и все время говорили о Марине. Александр рассказывал, как неожиданно она исчезла и как безуспешно он пытался ее отыскать.

Расплатившись, мы покинули гостеприимное кафе и пошли домой. Но по пути еще несколько раз заходили в бары и кафе, где уже я угощала Александра коньяком.

Потом у него начал заплетаться язык. Я остановила такси и, подбросив Александра до дома, назвала таксисту свой адрес.

Доставая из сумки ключ от квартиры, я заодно проверила, там ли видеокассета с записью «Поцелуя змеи». Зря я, что ли, тратилась на коньяк для этого типа? В такси вытащить у него кассету было проще простого.

Глава 3

Все столики небольшого, но уютного бара «Словакии» были заняты. На крохотной сценке в лучах прожектора симпатичные полуголые девочки приносили в жертву неведомому языческому божеству свою невинную красавицу-подругу. Они постепенно, в процессе танца превращались, по замыслу постановщика, в злобных бесстыжих тварей, в упоении срывающих с ангелоподобного создания один за другим все покровы его невинности.

Надо сказать, что порок в этом действе выглядел довольно привлекательно, а добродетель, доведенная до последней грани отчаяния и обнаженности, обретала вдруг невиданную силу. Недавняя жертва теряла всякий стыд и сострадание к своим бывшим подругам и повергала их ниц к своим красивым длинным ногам.

Я вынуждена была признаться самой себе, что танец производил сильное впечатление. Поэтому я попыталась найти Александра, чтобы сообщить ему об этом.

Но Александр куда-то запропастился. Как я ни старалась напрягать зрение, в полумраке зала я не могла разглядеть лиц сидевших вокруг меня людей. Но я была почти уверена, что их взгляды были обращены в мою сторону. Я это чувствовала. И мне было очень неуютно.

Красивая музыка сменилась звенящей тишиной. Мне казалось, что я слышу стук собственного сердца.

И вдруг я поняла, чего ждут от меня все эти люди. Они ждали моего выступления.

«Неужели я вчера обещала это Александру?» – с ужасом подумала я.

Красивый брюнет в белоснежном костюме делал мне со сцены какие-то знаки, их смысла я никак не могла понять. Мужчина в белом проявлял все признаки нетерпения. Теперь я чувствовала себя уже полной дурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.